

П.Н. Власов*

**ДЕВИАЦИЯ И ИСТОРИЯ: ФУНКЦИИ ПОНЯТИЯ
«КРИЗИС АВТОРСТВА» В РАБОТЕ М. БАХТИНА
«АВТОР И ГЕРОЙ В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»**

В статье понятие «кризис авторства» интерпретируется как фактор включения отклонений и историчности в теоретическое построение М.М. Бахтина в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». И девияционный, и исторический аспекты функционируют в бахтинской теории и как маркеры кризисности искусства, и как показатели самонаблюдения теории.

Ключевые слова: М. Бахтин, кризис авторства, кризис искусства, автор, герой, системная теория, Хайдеггер.

Анализ категориального аппарата бахтинской теории, установление контекстов возникновения категорий, их содержания, часто подвижного и ориентированного более на проблемность теории, чем на ее концептуальность (С.Г. Бочаров), «наведение мостов», обеспечение продуктивного диалога бахтинских концепций и более поздних теорий, – все это принципиальные аспекты изучения научного творчества М.М. Бахтина. При этом необходимо признать, что освоение «бахтинского тезауруса» движется с разными темпами: если такие теоретические концепты, как «карнавал», «диалог», «хронотоп», «роман», «полифония» вовлечены в широкий процесс рефлексии, то другие остаются более периферийными, как например, «кризис авторства» **.

* © Власов П.Н., 2008

Власов Павел Николаевич, кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета, 443011, Россия, ул. Акад. Павлова, 1.

** Если библиография категорий «диалога», «карнавала», «хронотопа», «романа» насчитывает сотни наименований, то «кризис авторства» имеет существенно меньший набор публикаций и упоминаний, среди которых необходимо назвать две статьи Д.П. Бака, специально посвященные рассматриваемому сюжету: [1-2].

Понятие «кризис авторства» впервые в научный литературоведческий оборот вводится М.М. Бахтиным в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» [3. С.258-261].

М.М. Бахтин подразумевает под «кризисом авторства» четыре вектора трансформации конвенциональных принципов художественного – как со стороны автора, так и со стороны героя. Авторский аспект кризиса раскрывается как пересмотр позиции искусства, когда любой традиционный локус оказывается недостаточным и неаутентичным; как расшатывание трансгredientных форм, оспаривание позиции вневходимости; как болезненно-этическая вневходимость, трансформация эстетического в этическое. Со стороны героя кризис авторства предстает как потеря героя, игра чисто эстетическими элементами.

На наш взгляд, категория «кризис авторства» не только не является маргинальной для понимания бахтинской концепции художественного, но в определенном смысле принадлежит теоретическому ядру, фундаменту теории.

Никлас Луман, автор системной теории, много времени уделявший вопросам конструирования *теоретического знания* как такового, рассуждая о структурном функционализме, вменяет социальной теории два принципиальных аспекта: «теория должна включать в себя две вещи: во-первых, отклонения от заданных норм или структурных образцов. Весь спектр девиантного, отклоняющегося поведения, преступность, дисфункции – все это должно содержаться в теории и не может быть оставлено без внимания как нечто внешнее по отношению к социальной системе. <...> еще более важный вопрос – исторический – вопрос, а именно, на протяжении какого периода времени, собственно говоря, поддерживается одно и то же состояние и структурные изменения какого масштаба подтолкнул социолога или наблюдателя, или просто участника социальной системы к тому, чтобы признать возникновение другой социальной системы, т.е. признать смену идентичности» [4. С.14].

Итак, Луман говорит о необходимом включении в архитектуру теории критериальной системы, позволяющей включить в описание не только норму, но и отклонения от нее, а также фактор времени, под действием которого трансформируется описываемая система.

Категория «кризис авторства» как раз и обеспечивает теоретическому зданию включение в него концептов девиации и исторического – в такой перспективе «кризис авторства» перестает быть неким факультативным сюжетом бахтинского трактата, но вводит в него темы девиации и историчности, принципиально значимые для культурной ситуации XX века. В этой связи, безусловно, уместно упомянуть фигуру Мишеля Фуко, чьи исследования непосредственно связаны как с историей, так и с дисфункциями и девиациями социальной системы, поскольку тематизируют историю девиаций – болезни, преступления, сексуальности [5].

Итак, во-первых, «кризис авторства» – поле отклоняющихся от теоретической конструкции художественных форм. Кризис авторства содержит в себе как импликации будущей концепции полифонического романа (С.Г. Бочаров) и концепции романного слова – таково оспаривание позиции венаходимости, так и инструментарий для осмысления монологического романа толстовского типа – такова болезненно-этическая венаходимость. В этом смысле можно говорить о «кризисе авторства» как теории девиации, включенной в теоретическую систему трактата «Автор и герой в эстетической деятельности», призванную осмыслить тот конвенциональный тип творчества девятнадцатого века, характерными текстами которого являются, например, романы И.С. Тургенева и И.А. Гончарова.

Во-вторых, «кризис авторства» обладает существенным потенциалом для описания исторической идентичности художественного – эта категория служит общим обозначением перестройки эстетической деятельности в двадцатом веке, концептуализирует такие специфические явления разложения традиционных структур венаходимости, как разъединение элементов, дефабулизация, проблематизация традиционного литературного характера и пр. Три ключевые формы поиска аутентичности романного высказывания в двадцатом веке (Н.Т. Рымарь) – поэтологический роман, роман точки зрения и «авторский сюжет» – являются показательными примерами «кризиса авторства». Помимо расшатывания трансгредивных форм и потери героя, историчность проявляется в кризисе авторства через его первый тип – коренную перестройку художественного, преобразование ставшего неаутентичным традиционного локуса искусства. Среди таких трансформаций – возникновение романа в Новое время, поиск новых медиальных возможностей в авангардном искусстве. На наш взгляд, в формулировке Бахтина, это наиболее общая и наиболее радикальная форма включения истории в теоретическую конструкцию.

При этом необходимо заметить, что, несмотря на внутреннюю дифференцированность категории (четыре типа кризиса авторства), ее эвристическая функциональность ограничена ее связью с конвенциональными типами авторства, трансформацией которых и является «кризис авторства». Говоря проще, рассматриваемая категория скорее показывает коренное отличие текстов двадцатого века от более ранних произведений, нежели фокусирует внимание на различие внутри корпуса текстов, уже претерпевших трансформацию позиций автора и героя.

И девиационный, и исторический аспекты «кризиса авторства» функционируют в теоретической архитектонике бахтинского трактата не только как маркеры кризисности искусства как такового, но и выступают в качестве фигур самонаблюдения теории, как показатели ограничения, само-ограничения теории как таковой – они изнутри самого текста указывают на границу применимости сформулированных в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» построений.

Маркеры ограниченности теории в первую очередь обращают внимание на исчезающую способность ключевых различий, положенных в основание теории, осуществлять само различие: так, например, романная форма XX века отчетливо проблематизирует (например, в монтажном повествовании или лирическом романе) фундаментальное, отягощенное теологическими импликациями, различие автора и героя, положенное в основание трактата «Автор и герой в эстетической деятельности».

Теория оказывается автополемичной, причем этот полемос не несет деконструктивистского посыла – это не игра неконтролируемых смыслов против замысла, а, скорее, инкорпорирование отклоняющихся явлений в сам замысел. Говоря иначе, категория «кризис авторства» создает метаконструкцию, «геро-ем» которой становится сама теория героя и автора.

Таким образом, вытесненное (во всех смыслах этого слова) на периферию рефлексии понятие говорит о сущности самой теории, о ее границах в целом. Это вдвойне интересный сюжет, поскольку эта категория, будучи маргинальной, отнесенной на границы исследовательского интереса, сама по себе обращена к феномену перехода, трансформации – не только потому, что связана с девиацией и историей, но и потому, что само слово «кризис» апеллирует к семантике перехода.

Тематика границы, ее более глубокой, чем принято думать, связи с формой, которую она очерчивает, и тем самым создает, разворачивается в небольшой статье Мартина Хайдеггера «Über «Die Linie» в сборнике к 60-летию Эрнста Юнгера, примечательной для теории границы и теории кризиса уже своим названием, разыгрывающем семантику линии не только на лексическом, но и на пунктуационно-графическом уровне [6. S.9-45].

Оставляя в стороне сам предмет хайдеггеровского рассуждения, а именно обсуждение нигилизма как диагноза современности и возможностей его преодоления, сосредоточимся на представленном осмыслении пространства и границы как таковых.

Как указывает Джозеф Фелл, «основной задачей, по Хайдеггеру, является не путь вперед, через линию, но продумывание того, что уже есть» [7. P.330]. Поскольку линия проведена в некоем пространстве, необходимо понять, что это за пространство, в котором она находится. Таким образом, Хайдеггер отказывается мыслить линию отдельно от пространства. Методологически мысль Хайдеггера ориентирует теорию границы, живущую понятием *trans/meta* («через», «на ту сторону», «среди», «между») к комплиментарной теории топоса, воспринимающей границу в перспективе *de/peri* («вокруг», «около»).

Хайдеггер не только берет «линию» в кавычки в заголовке своей статьи, но и переворачивает смысл линии как отрицания, как перехода. Линия не только разделяет, но и собирает, придает форму, принадлежит тому пространству, в котором проведена.

Понимание линии в неразрывной (и в буквальном смысле – также) связи с пространством, с местом снова возвращает нас к лумановской мысли о девиации и истории как аспектам целостности теории: только включая в себя факторы перехода, только артикулируя их, эксплицируя, теория удовлетворяет своему понятию.

Такое включение факторов перехода имеет фундаментальный ценностный момент – теория глубоко личностна, она занимает свое место в *событии бытия* и не может быть глуха и безответственна – у нее нет права на *алиби*, именно поэтому она вырабатывает отношение к тому, что мы ранее называли девиацией и историчностью.

Тезис о наблюдении теории за самой собой, открывающийся в понятии «кризис авторства», являющийся рефлексией над различениями трактата, в котором оно упомянуто, задает конструктивистский и контингентный импульс рассмотрения бахтинского творчества (с которым, конечно, многие не готовы согласиться). В этом ключе понимание бахтинской теории состоит не в построении непротиворечивой категориальной системы, не в сглаживании противоречий, а в рассмотрении различий, которые образуют теорию (таких, как эпос/роман, монолог/полифония и т.д.), и их эвристики, оптики наблюдения и взаимонаблюдения. Такая смена акцента добавляет самой теории как большей «романности», лишая ее оракульского пафоса доктрины с универсалистскими притязаниями, так и большей скромности в части «последних вопросов».

Библиографический список

1. Бак, Д.П. Эстетика М.М. Бахтина в ее современном звучании: (К понятию "кризис авторства") / Д.П.Бак // М.М. Бахтин : проблемы научного наследия. Саранск, 1992. – С. 91-98.
2. Бак, Д.П. Эстетика М.Бахтина в контексте генезиса идеи исторической поэтики / Д.П. Бак // Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб., 1995. – С. 178-188.
3. Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М.Бахтин // Бахтин М.М.Собрание сочинений. Т.1.: Философская эстетика 20-х гг. М.: Русские словари, Языки русской культуры, 2003.
4. Луман, Н. Введение в системную теорию / Н. Луман. – М.:Логос, 2007. – 360 с.
5. См., например: Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М.Фуко. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 575 с.; Фуко, М. Забота о себе. История сексуальности-III / М.Фуко. – Киев: М.: Рефл-бук, 1998. – 282 с.; Фуко, М. Рождение клиники / М.Фуко; пер. с фр. – М.: Смысл, 1998. – 309 с.; Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы /М.Фуко; пер. с фр. Наумова В.; Под ред. Борисовой И. М.: Ad Marginem, 1999. – 479 с.; Фуко, М. Использование удовольствий: История сексуальности / М.Фуко; пер. с фр. – СПб.: Академический проект, 2004; Фуко, М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де

- Франс в 1974-1975 учебном году / М.Фуко; пер. с фр. – СПб.: Наука, 2005. – 432 с.
6. Heidegger, M. «Über «Die Linie» / M. Heidegger // Freundschaftliche Begegnungen: Festschrift für Ernst Jünger 60.Geburtstag. – Frankfurt a.M., 1955. – S. 9-45.
 7. Fell, Joseph P. The Crisis of Reason: A Reading of Heidegger's Zur Seinsfrage / Joseph P.Fell. – In: Heidegger Reexamined. Vol. 3: Art, Poetry, and Technology / Edited with introductions by Hubert Dreyfus, Mark Wrathall. Routledge, 2002.

P.N. Vlasov

**DEVIATION AND HISTORY: FUNCTIONS OF “CRISIS
OF AUTHORSHIP” IN M.M. BAKHTIN’S WORK “AUTHOR AND
HERO IN THE AESTHETIC ACTIVITY”**

In the paper the “crisis of authorship” is interpreted as factors of deviation and inclusion of history of Mikhail Bakhtin’s theoretical architecture. Both aspects of deviation and history as markers of the art crisis and of the self-observation theory are also considered.

Key words: *M.M. Bakhtin, crisis of authorship, art crisis, author, hero, system theory, Heidegger.*

Статья принята в печать в окончательном варианте 16.06.08 г.